

Видение Евы

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Видение Евы ВИДЕНИЕ ЕВЫ

..Сиянье – как в Раю. Ты – в золоте волос.
Ты, Ева, – и грешна, и ты ж – венец творенья.
Ты – наш извечный вздох и спутник наших слёз.
Ты – чаша. Из неё пьёт боль для исцеленья.

Ах, женщина ! Ты – та, что дарит небеса,
взамен других небес, не сбережённых нами.
В тебе – и яркий блеск, и нежность, и краса,
и в каждом жесте есть архангелово пламя.

О любящая мать ! Но что в тебя за страх
вселил какой-то дух с дурной зловещей целью, -
и жизнь уж не мила, и слёзы на глазах,
и в горести сидишь над детской колыбелью ?

В ней сын твой – Каин – спит, сжав малый свой кулак.
Не в этом ли секрет ужасного виденья ?
Не мнится ли тебе в нём, в слабом, в голом, враг,
что Авеля убьёт, созрев для преступленья ?

• La vision d'Eve

.. Soleil du jardin chaste ! Eve aux longs cheveux d'or !
Toi qui fus le peche, toi qui feras la gloire !
Toi, l'eternel soupir que nous poussons encor !
Ineffable calice ou la douleur vient boire !

O Femme ! qui, sachant porter un ciel en toi,
A celui qui perdait l'autre ciel, en echange,
Offris tout, ta splendeur, ta tendresse et ta foi,
Plus belle sous le geste enflamme de l'archange !

O mere aux flancs feconds ! Par quelle brusque horreur,

Endormeuse sans voix, etais-tu possedee ?
Quel si livide eclair t'en fut le precurseur ?
A quoi songeais-tu donc, la paupiere inondee ?

Ah ! dans le poing crispe de Cain endormi
Lisais-tu la reponse a ton reve sublime ?
Devinais-tu deja le farouche ennemi
Sur Abel faible et nu s'essayant a son crime ?

• **Тюрьма**

Превыше всех столпов в старинном кафедрале
я в юности вознёс заветные мечты.
Их сладкий фимиам крутил свои спирали
не ниже куполов почтенной высоты.

Орган сменил тона, мечты мои завяли.
Привычно жмут на пульт усталые персты.
Я сам решил смирить досаду и печали,
никчемные сейчас средь модной суеты.

Жрец – в храме, как в тюрьме, и жертва оскорбления,
ты сам отверг свой храм и всё вероученье,
кадильницу разбив с размаху об амвон.

Найди же главный столп и напряги десницу.
Сильней его тряхни. Обрушь свою темницу –
и смерть прими, восстав, в обвале, как Самсон !

• **La prison**

Comme les hauts piliers des vieilles cathedrales,
O reves de mon coeur, vous montez ! Et je vois
L'ancien encens encore endormir ses spirales
A l'ombre de vos nefs, o reves d'autrefois !

Comme un orgue dompte par des mains magistrales,
O ma longue douleur ! Je t'ecoute ; et ta voix
Murmure encor l'Echo des plaintes et des rales
Que j'ai depuis longtemps etouffes sous mes doigts !

– Allons ! Pretre enferme qui saignas sous l'insulte,
N'as-tu pas renie ton eglise et ton culte,
Et brise l'encensoir aux murs de ta prison ?

Debout ! etends les bras sans fermer les paupieres !
Qu'ils croulent, ces arceaux dont tu sculptas les pierres,
Dut leur poids t'ecraser du coup, comme Samson !

• Песня

Богам их муки – не слышать,
но Души смерти неподвластны.
Могилы роятся напрасно ! –
Скажи, не вечно ж им страдать ? –

Любовь сладка, но с острым жалом.
Зароки долго не живут.
Сердца не терпят жёстких пут,
а склеп – под мшистым одеялом.

Вся жизнь тяжка от передряг,
и тем особенно ужасна,
что Горе смерти неподвластно,
хоть застрелись и в землю ляг !

• Chanson

Le ciel est loin ; les dieux sont sourds.
Mais nos ames sont immortelles !
La terre s'ouvre ; ou s'en vont-elles ?
Souffrirons-nous encor, toujours ?

L'amour est doux ; l'amour s'emousse.
Un serment, combien dure-t-il ?
Le coeur est faux, l'ennui, subtil.
Sur la tombe en paix croit la mousse !

La vie est courte et le jour long.
Mais nos ames, que cherchent-elles ?
Ah ! leurs douleurs sont immortelles !

Et rien n'y fait, trou noir, ni plomb !

• Мольба Адама

Злой сон ! Толпа из душ. Их были легионы.
Пред ними прашур наш, прегордый, будто бог,
но он скорбел, молчал и встать с колен не мог.
От всей толпы Адам держался отчуждённо.

Он излучал и мощь, и мысль, и красоту.
Он сохранил черты земного идеала,
ту девственность души, что Мастера пленяла,
когда Творец влагал в него свою мечту.

Все вслушивались в шум промозглого пространства,
и эхом из глубин летели вспять до них
те речи, что к богам вздымались от живых:
кошунства, дурь, смешки и ересь окаянства.

Всё горестней, стыдясь, не поднимая век,
Адам простёрся ниц и грудь измазал в глине.
Без умолку над ним взносился глас в пустыне:
«Адам ! Гордись ! Опять родился человек !»

«Господь ! – взмолился он. – Как долго длится кара !
Мой род давно пора убрать со света прочь.
Неуж я не дождусь, когда объявит ночь:
«Последний человек исчез с Земного Шара !» – ?»

• La priere d'Adam

Songe horrible ! – la foule innombrable des ames
M'entourait. Immobile et muet, devant nous,
Beau comme un dieu, mais triste et pliant les genoux,
L'ancetre restait loin des hommes et des femmes.

Et le rayonnement de sa male beaute,
Sa force, son orgueil, son remords, tout son etre,
Forme du premier reve ou s'admira son maitre,
S'illuminait du sceau de la virginite.

Tous ecoutaient, penches sur les espaces bleues,
Monter du plus lointain de l'abime des cieus
L'inextinguible echo des vivants vers les dieux,
Les rires fous, les cris de rage et les blasphemes.

Et plus triste toujours, Adam, seul, prosterne,
Priait ; et sa poitrine etait rougie encore,
Chaque fois qu'eclatait dans la brume sonore
Ces mots sans treve : » Adam, un nouvel homme est ne ! »

– » Seigneur ! Murmurait-il, qu'il est long, ce supplice !
Mes fils ont bien assez pullule sous ta loi.
N'entendrai-je jamais la nuit crier vers moi :
» Le dernier homme est mort ! Et que tout s'accomplisse ! »
Goşgular